

преступлений. В связи с этим становится очевидной задача расширения сферы применения принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетним как альтернативы уголовному наказанию (в первую очередь – лишению свободы на определенный срок) и повышения их исправительной результативности.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одоб. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 января 2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Середин, А. А. Принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним при освобождении от уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 106.

Сексуальная ориентация и гендерная идентичность: составляющие права на сохранение индивидуальности ребенка (международно-правовой аспект)

*Короленко Д. С., студ. III к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Шевко Н. М.*

Право на сохранение индивидуальности – сложная концепция, включающая в себя незакрытый перечень личностных характеристик лица, свойственных ему в силу происхождения, начинающих свое формирование до рождения и подлежащих постоянному изменению вследствие его развития и социализации, заключающееся также в возможности индивида самостоятельно определять составляющие своей личности.

Оно закрепляется статьей 8 Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. (далее – КПР ООН). Так, пункт первый данной статьи вводит «право ребенка на сохранение своей индивидуальности, включая гражданство, имя и семейные связи, как предусматривается законом, не допуская противозаконного вмешательства» [1]. Официального толкования нормы статьи 8 КПР ООН применительно к сексуальной ориентации и гендерной идентичности и включению их в содержание права на сохранение индивидуальности нет, но его можно вывести из пункта 55 Заключения общего порядка № 14 Комитета по правам ребенка (далее – КПР) от 29 мая 2013 г. «О праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (п. 1 ст. 3)» (далее – Заключение № 14 (2013)), указывающего на то, что «индивидуальность ребенка

включает в себя такие особенности, как пол, сексуальная ориентация, национальное происхождение, вероисповедание и убеждения, культурная самобытность, личные качества» [2]. Несмотря на отсутствие непосредственного указания на гендерную идентичность и на различия понятийного аппарата в данном пункте, а также нетождественность терминов «сексуальная ориентация» и «гендерная идентичность», некоторые авторы допускают приравнивание гендерной идентичности и сексуальной ориентации в контексте вышеуказанного пункта и в рамках статьи 8 КПР ООН [3, р. 343].

Статья 8, как было установлено ранее, закрепляет непосредственно право на сохранение индивидуальности. В связи с этим возникает вопрос касательно права на изменение физического выражения гендерной идентичности, поскольку это может видаться противоположным сохранению индивидуальности [3, р. 343]. В связи с этим можно отметить, что к моменту принятия решения об осуществлении каких-либо процедур, направленных на изменение физического выражения гендерной идентичности ребенка, у последнего уже имеется осознание того, что его самоощущение не соотносится с биологическим полом, зарегистрированным при рождении, и, соответственно, с тем, как его видит общество. Это несоответствие может приносить дискомфорт, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на дальнейшее развитие ребенка.

В данном контексте следует говорить о том, что произведение подобного рода изменений выступает в качестве основания для сохранения индивидуальности, поскольку оно предопределяет официальное признание новой гендерной идентичности ребенка со стороны государства. Очевидно, это должно происходить посредством внесения изменений в документы.

Подобное официальное признание можно толковать в качестве проявления обязательства государств по уважению права на сохранение индивидуальности. Следует согласиться с мнением Кирстен Сандберг, считающей, что человек должен иметь возможность быть открытым в своей сексуальной ориентации и гендерной идентичности без опасения вмешательства в его индивидуальность либо преследования со стороны государства [3, р. 343].

В Заключительных замечаниях по Российской Федерации (далее – РФ) в 2014 г. КПР выразил обеспокоенность, что принятый государством Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей», запрещающий пропаганду «нетрадиционных сексуальных отношений» [4], поощряет стигматизацию и дискриминацию лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров и интерсексуалов, включая детей из семей, в которых родители самоопределяются

в качестве ЛГБТК+. В данных замечаниях также указывалось на тот факт, что внесенные в законодательство изменения являются размытыми и не позволяют конкретно определить, что непосредственно понимается в РФ под пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений [3, р. 341–342].

Это, очевидно, не соотносится с осуществлением государством обязательств по уважению права на сохранение индивидуальности и вызовет лишь усиление в обществе нетолерантности, которая может привести к принуждению детей к прохождению репаративной терапии.

Соответственно, сексуальная ориентация и гендерная идентичность – неотъемлемые характеристики права на сохранение индивидуальности ребенка, поскольку они являются проявлением внутреннего самоощущения и самоопределения лица, изменение которых искусственным путем невозможно.

Литература

1. Заключение общего порядка № 14 Комитета по правам ребенка от 29 мая 2013 г. «О праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/CRC/C/GC/14>. – Дата доступа: 24.04.2022.

2. Convention on the Rights of the Child adopted by the United Nations General Assembly resolution 44/25, November 20, 1989 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ohchr.org/EN/professionalinterest/pages/crc.aspx>. – Date of access: 24.04.2022.

3. Sandberg, K. The Rights of LGBTI Children under the Convention on the Rights of the Child / Kirsten Sandberg // Nordic Journal of Human Rights. – 2015. – 33 (4). – P. 337–352.

4. О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей [Электронный ресурс] : Федер. Закон, 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

Стадия переговоров в гражданском праве: вопросы совершенствования законодательства

*Кругликов Б. С., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Ананич С. М., канд. юрид. наук, доц.*

Заключению договоров, особенно опосредующих сложные и содержащие элемент риска отношения, всегда предшествуют переговоры. Содержание переговоров, формулировки в черновиках договоров зачастую влекут за собой юридические последствия для сторон.